

Государственный траур

«Почтенному Брату Коу лично в руки. Пишу Вам эти строки, и кажется, будто мы снова беседуем с глазу на глаз. Прошло уже немало дней, всё ли у Вас в порядке? Земли Аньчэна широки и равнинны, жизнь в таком краю, должно быть, наполняет сердце простором — я давно мечтал увидеть эти края своими глазами... Слышал, что служба в армии накладывает на Вас множество забот, и мне совестно отвлекать Вас столь долго. Если же свободного времени совсем не будет, можете не утруждать себя ответом. Искренне Ваш, Чу Цы».

Чу Цы составил письмо в непринуждённом, тёплом тоне. В его словах не было ни капли холодности, присущей общению с малознакомым человеком; напротив, казалось, старые друзья лениво перебрасываются вестями о том и о сём. От такого послания на душе у читателя становилось светло и уютно.

Коу Цзин никак не ожидал, что Чу Цы напишет первым. Сердце его наполнилось радостью. Он тотчас взялся за кисть и составил ответ, подражая тону отправителя: сначала предался воспоминаниям о красотах родного края, а затем подробно описал обычаи и нравы Аньчэна. Слог его был изящен и богат, но при этом каждое слово дышало искренностью. Письмо больше походило на мастерски написанный путевой очерк; получив его, юноша перечитал послание не меньше трёх раз.

В его душе вновь шевельнулось сожаление о шраме на лице Брата Коу. Столь одарённый книжник с блестящим литературным талантом при ином стечении обстоятельств непременно стал бы восходящей звездой на небосклоне государственной службы. Увы, выбрав путь военного, он навсегда закрыл себе дорогу в Нэйгэ.

***

— Радостная весть для поместья господина Чжан Вэньхая! Указом инспектора по образованию области Ганьчжоу он зачислен двадцать третьим в списке сдавших провинциальный экзамен! Поздравляем нового господина сюцяя!

Глашатаи с шумом и музыкой подошли к дверям, и в одно мгновение обитатели переулка Синего камня сбежались к дому Чжанов поглазеть на торжество.

Господин и госпожа Чжан буквально сияли от счастья. Они велели слугам вынести заранее заготовленные медные монеты и пригоршнями рассыпать их в толпу, чтобы каждый мог прикоснуться к их удаче.

Получив щедрые красные конверты, вестники удалились, но следом за ними потянулись вторые и третьи глашатаи. Всё утро в доме царило шумное веселье, и пока гости не разошлись, Чжаны успели разбросать не меньше семи-восьми тысяч монет.

В доме Фан Цзиньяна дела обстояли ещё более блистательно. Он вновь подтвердил своё мастерство, заняв первое место — стал аньшоу и на этом этапе. Глядя на его успехи, люди лишь сокрушались о том злосчастном уездном экзамене. Будь он первым и тогда, слава о Сяо Саньване — «трижды лучше» — разлетелась бы так широко, что лучшие академии области наперебой зазывали бы его к себе.

Впрочем, сам Фан Цзиньян был более чем доволен. В глубине души он питал безмерную благодарность к одному человеку. Если бы не Чу Цы, разве смог бы он достичь таких высот?

Обычно соученики, сдавшие экзамен в один год, устраивали пиршества по очереди. Все ждали, пока первый шаг сделает аньшоу, чтобы затем и остальным можно было начать приготовления.

Семья Фан не заставила себя долго ждать: приглашения были разосланы повсюду, и на двадцать пятое число всех позвали на торжественный обед.

Устроив дела Чу Юаня и Чжунли Юя, Чу Цы, прихватив подарок, отправился к Фанам. Он не стал покупать ничего баснословно дорогого, выбрав добротную шэскую тушечницу.

Стоило юноше переступить порог, как слуги проводили его к главному столу. Его место оказалось сразу за местом главы семейства. В иерархии «Небо, Земля, Государь, Родители, Учитель» семья Фан фактически отвела Чу Цы почётное место наставника.

Он почувствовал смятение и несколько раз попытался пересесть, но гости дружно уговорили его остаться. В конце концов, Чу Цы смирился. Разумеется, это было лишь данью приличиям — он должен был показать скромность, чтобы ни у кого не возникло повода обвинить его в гордыне.

Старый господин Фан когда-то был уважаемым секретарём. Вместе со своим начальником он исколесил полстраны и одно время даже служил при начальнике области. Позже он ушёл на покой по старости, но его второй сын занял его место. Сановник, отправившись на службу в столицу, в знак признательности посодействовал ему в получении должности помощника уездного начальника девятого ранга. Чин был невелик, но уезд тот славился своим богатством на всю страну. За эти годы, даже не стремясь к наживе, семья накопила изрядное состояние.

Теперь, когда племянник стал сюцаем, этот помощник начальника не смог приехать лично, но прислал несколько возов подарков. Остальные дядя и мужья тёток Фан Цзиньяна также преуспели на службе, так что в тот день подношений было столько, что у юноши едва хватало рук их принимать.

За столом вино лилось рекой, и гости предавались шумному веселью. Фан Цзиньян отбросил привычную сдержанность: он не отвергал ни одной чарки, поднесённой в знак уважения. Первые чаши он осушил за здоровье старших, а следующую сразу же поднёс своему наставнику. Три чарки подряд — и даже если вино было некрепким, в голове у юноши зашумело.

Чжан Вэньхай, которому тоже посчастливилось сидеть за этим столом, глядя на друга, пробормотал:

— Послезавтра, когда пир будет у меня, я точно не стану так налегать на выпивку, как Цзиньян.

Чу Цы покосился на него и подумал:

«Да ты же первый в поле лезешь. Боюсь, если тебе не поднесут чарку, ты сам себе её нальёшь»

Чем дальше он общался с Чжан Вэньхаем, тем больше тот напоминал ему бестолкового хаски — весёлого, шумного и невыносимо нелепого.

Когда пир подошёл к концу, Фан Цзиньяна под руки увели в его покои. Чу Цы уже собирался откланяться, но слуга передал просьбу старого господина: его приглашали в кабинет для беседы.

Стоило юноше войти, как старец и его сын одновременно отвесили ему низкий поклон. Чу Цы от неожиданности едва не рухнул на колени.

Он поспешил подхватить их за руки, прерывая церемонию.

— Студент в великом смятении! Почтенный старец, господин Фан, к чему такие почести?

— Сючай Чу сотворил для моего внука новую судьбу. Разве этот поклон — слишком высокая цена за такое благодеяние? — проникновенно произнёс глава дома. — Все эти годы мы видели, как Цзиньян чахнет от тоски, сердце кровью обливалось, но мы были бессильны. По нашей глупости две женщины едва не погубили будущее старшей ветви рода Фан. Вы стали для него учителем, открыли нам глаза на правду, а после ещё и защитили его доброе имя перед всеми. Я и его отец безмерно Вам благодарны.

— О чём Вы говорите, почтенный старец? Мы с Братом Фаном близки, точно родные братья, я лишь поступил так, как велел долг. В будущем нам предстоит вместе идти по пути службы, и мы не раз станем опорой друг для друга. Кто знает, может, наступит день, когда и мне понадобится помощь Цзиньяна.

Хотя в семье Фан не было высокопоставленных сановников, её члены занимали важные должности во многих ведомствах. За десятилетия они обросли связями, которые невозможно было недооценивать. Ведь недаром говорят: «С князем тьмы договориться просто, да мелкие бесы замучат». Сколько великих мужей в истории пали жертвами безвестных писарей!

— Всё так, но мы не из тех, кто забывает добро. Если мы просто примем Ваши слова и не оплатим за помощь, мир станет смеяться над нами. Вы — человек книжный, и подносить Вам

золото было бы слишком пошло. Пока внук учился, его отец присмотрел и выкупил около пятнадцати му плодородной земли неподалёку от деревни Чанси. Прошу Вас, не отказывайтесь, иначе мне и моему сыну будет стыдно смотреть людям в глаза.

Пятнадцать му доброй земли, да ещё, судя по всему, одним участком... По рыночным ценам это тянуло на добрых две сотни лянов серебра, а то и больше. Поистине щедрый дар!

Чу Цы сделал вид, что задумался, не спеша принимать бумаги. Но отец Фан Цзиньяна продолжал держать их перед собой, не опуская рук.

Юноша вздохнул и наконец взял подношение.

— Коль старый господин и господин Фан столь настойчивы, мне остаётся лишь принять этот дар, хотя я и не заслужил такой милости.

— Вот это верно! В будущем нашему Цзиньяну ещё не раз понадобится Ваша поддержка. Если мы станем чиниться в таких мелочах, это лишь породит холодность между нами, — рассмеялся старец.

Перебросившись ещё парой фраз, Чу Цы покинул дом. Отец Фан Цзиньяна лично распорядился подать экипаж, чтобы доставить его в училище.

По дороге он размышлял:

«Семья Фан оказалась столь щедрой... Боюсь, в день пиршества у Чжанов меня тоже ждёт какой-нибудь сюрприз. Господин Чжан — купец до мозга костей; тогда он так легко согласился вернуть пятьдесят лянов, наверняка он что-то задумал»

Предчувствие не обмануло его. Два дня спустя, когда пир у Чжанов закончился, хозяин дома пригласил Чу Цы в кабинет и вручил ему шкатулку. Внутри лежала купчая на дом в самом уездном городе Юаньшань. Двухдворная усадьба — такую не купишь дешевле двухсот-трёхсот лянов.

Чу Цы попытался было отказаться, но господин Чжан принялся горестно вздыхать, сетуя, что он всего лишь простой торговец и не умеет выбирать подарки по вкусу учёного мужа. Мол, если дом не угоден, он готов прямо сейчас обменять его на пахотные земли.

Он понял: эти старые лисы заранее обо всём договорились. Один подарил землю, другой — кров. Едва выбравшегося из нищеты юношу буквально вытолкнули на дорогу к зажиточной жизни. И это он наставлял всего двух учеников из богатых семей! Если бы их было больше, он бы вмиг стал богатейшим человеком в деревне Чанси. Впрочем, может, он уже им стал?

***

В этот раз уезд Юаньшань выпустил сразу шестнадцать сюцаев, отчего нынешний уездный начальник пребывал в неопишемом восторге!

Это же блестящие показатели для его отчётов! Вспомнить хотя бы его предшественника, уездного начальника Цюя — за десять лет службы в этих краях лишь Чу Цы, ставший сюцаем в четырнадцать лет, позволил ему разок козырнуть перед другими чиновниками. Кто бы мог подумать, что и в этот раз, когда почти треть всех кандидатов уезда прошла испытание, заслуга снова будет принадлежать Чу Хуайцзиню.

Сборник задач «Море слов» стал для студентов великолепной школой, особенно разделы «Девяти глав», открывшие глаза многим. Темы для экзамена составлял лично начальник области Ганьчжоу. Этот сановник был большим любителем математики и в своё время едва не стал доктором в Гоцзыцзяне. Его задачи всегда отличались затейливостью, и большинство тех, кто провалился в этот раз, просто не смогли верно решить две задачи из раздела «Девяти глав».

Уездный начальник дождался, пока в семьях учеников закончатся пиры, и только тогда разослал приглашения в управу на торжественный обед. За столом он напутствовал юношей усердно учиться, чтобы через три года их имена просияли и на провинциальных экзаменах на степень цзюйжэнь.

Разгар пиршества прервало внезапное появление гонца с экстренным донесением. Уездный начальник Ян поспешно поправил одеяние и вышел принять депешу. Весть, пришедшая из столицы, ударила точно гром среди ясного неба.

Император Цзяю, правивший сорок два года, скончался!

Яства со столов убрали в одно мгновение. Уездную управу в спешном порядке затянули белой тканью, пряча всё, что напоминало о радости и празднестве.

Затем над управой загремел барабан Дэнвэнь, возвещая народу печальную весть. Жителям было приказано до завтрашнего дня подготовить всё необходимое: город должен облачиться в траурные цвета, а людям надлежало надеть одежду из грубой холстины и соблюдать скорбь по покойному государю в течение пятнадцати дней.

В эти пятнадцать дней запрещалось употреблять в пищу мясо, а также приправы вроде имбиря и чеснока. Строго воспрещались хмельные напитки, шумное веселье и громкий смех. Супругам следовало воздерживаться от близости, а любые свадьбы и празднества переносились на неопределённый срок.

Вернувшись с пира, Чжан Вэньхай и Фан Цзиньян первым же делом велели слугам купить белую ткань и холстину — нужно было успеть, пока весть не разнеслась по всему городу, иначе потом ничего не достанешь. Если в такое время кто-то донесёт, что твоя семья не соблюдает траур, это станет несмываемым пятном на репутации и концом всякой карьеры.

Позаботившись о своих домах, они почти одновременно вспомнили о Чу Цы.

Когда писарь у ворот училища окликнул его, Чу Цы вышел к дверям и в полном изумлении уставился на две горы белой ткани и холста, сваленные прямо на землю.

— Сюцай Чу, молодой господин велел передать Вам: небо рухнуло, — Ши-тоу указал пальцем в высь.

Сяо Чэн-цзы тоже не желал отставать:

— У моего господина тоже есть для Вас слово.

Он подошёл к самому уху юноши и прошептал:

— Государь умер.

Чу Цы лишь мысленно покачал головой. Слава богу, Чжан Вэньхай догадался наказать слуге не кричать об этом во весь голос, иначе обвинения в непочтительности было бы не миновать. Неужели он думал, что если не скажет прямо, Чу Цы не поймёт? Вот насколько Цзиньян был более сдержан и краток в своих намёках.

И всё же, на сердце у него стало невыносимо тепло.

Если доброе отношение родных и учителей можно было списать на заслуги прежнего владельца этого тела, то дружба Чжан Вэньхая и Фан Цзиньяна была его собственным достижением. О чём ещё просить человеку, если у него есть такие друзья?

Не успел он придумать, как перетащить всё это добро, как к воротам примчался запыхавшийся управляющий Сюй.

— Сюцай Чу, как удачно, что Вы здесь! У меня тут немного ткани и готовых траурных одежд. Завтра же наденьте их и не забудьте завесить комнаты.

Чу Цы с беспомощным видом указал на землю. Только тогда Сюй разглядел два огромных тюка.

— Ничего страшного! Там целые рулоны, Вам будет трудно их кроить — отдадите кому-нибудь. А у меня всё уже подогнано по Вашей мерке, и белые ленты нарезаны, можно сразу вешать. Мне пора бежать, в поместье дел невпроворот, так что прощайте!

Управляющий Сюй исчез так же стремительно, как и появился. Чу Цы уставился на гору

вещей, а затем перевёл взгляд на привратника.

Худой сторож, почувствовав на себе этот горящий взор, молча отвернулся. Вся его сутулая спина буквально вопила: «Даже не надейся».

Он не успел даже предложить вознаграждение, как со стороны улицы раздался неуверенный голос:

— Почтенный брат... Уж не Брат ли Чу передо мною?

Чу Цы присмотрелся — лицо казалось незнакомым, но память услужливо подсказала ответ. Это же Чэнь Цзыфан, с которым они когда-то вместе слушали сказителя и пили вино! Верно, он упоминал, что собирается перевестись в их училище.

— Он самый! Со дня нашей встречи прошло немало времени. Брат Чжунсин, Вы, как я погляжу, стали ещё статнее, мне право слово неловко рядом с Вами находиться, — юноша проявил такую небывалую пылкость, что едва не бросился пожимать гостю руки. Чэнь Цзыфан был даже немного польщён столь радушным приёмом.

Много позже, когда он узнал своего нового товарища получше, он поймёт, что всё это радушие стоило скормить собакам. Ведь тот рассыпался в любезностях лишь для того, чтобы заставить его таскать тяжести!

Но сейчас, видя, как Чу Цы сокрушённо вздыхает над своей бедой, Чэнь Цзыфан почувствовал прилив благородства. Он подхватил два огромных тюка и, пошатываясь, зашагал впереди. Чу Цы же, подхватив несколько лёгких свертков с одеждой от Сюя, бодро зашагал следом.

«А этот Чэнь Цзыфан на редкость отзывчивый малый, — думал Чу Цы. — Я-то хотел попросить его помочь с тем, что полегче, а он вон какой удалой оказался. Хороший человек, ничего не скажешь»

<http://bllate.org/book/15354/1427824>